

В. И. АБАЕВ

ДОХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ АЛАН

В пятом столбце знаменитой Бехистунской надписи повествуется о походе Дария I против эламитов и саков (массагетов). Рассказ по композиции и стилю следует обычному трафарету аналогичных победных религий, которыми заполнены предыдущие столбцы надписи.

Но он включает и один знаменательный новый элемент: Дарий считает нужным сообщить, что его враги (саки, эламиты) были неверными (*arika-*), не чтит Ахурамазду, тогда как он, Дарий, чтит Ахурамазду. Только тем, кто чтит Ахурамазду, Дарий сулит благоденствие в этом и загробном мире. Это добавление, конечно, не случайно. Пятый столбец приписан к Бехистунской надписи позднее основного текста. Вышеупомянутое добавление в пятом столбце говорит о том, что к этому времени Дарий I, очевидно не без влияния жрецов-магов, стал проводить жесткую религиозную политику насаждения маздеизма¹ как государственной религии. Эту политику энергично продолжал его сын Ксеркс. Об этом ясно говорит его «антидэвовская» надпись. По своему тону религиозной нетерпимости антидэвовская надпись Ксеркса явно перекликается с пятым столбцом Бехистунской надписи. Оба текста почти в идентичных выражениях обещают блаженство только тем, кто чтит Ахурамазду.

Но древние культы пустили слишком глубокие корни в народе и подавить их Ахеменидам не удалось, хотя они и добились, по-видимому, формального признания культа Ахурамазды на всей подвластной им территории. Об этом говорит, между прочим, широкое распространение имени «Ахурамазда» в восточно-иранских языках в значении «солнце»: сакское *urmayśda*, йидга *ormōzd*, мунджанское *ormōzd*, ишкашимское *remūzd*, сангличи *ormōzd*, зебаки *ormōzd*².

Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Хотя зороастризм возник с несомненностью в Восточном Иране, в области Хорезма, Согдианы, Маргианы, Бактрии, мы не имеем после Авесты никаких памятников

зороастризма из этих областей, до нас не дошло ни одного сколько-нибудь значительного зороастрийского текста на восточноиранских наречиях. Зато на этих наречиях имеется достаточное количество буддийских, манихейских и христианских текстов. Вместе с тем на западно-иранских наречиях до нас дошла обширная зороастрийская литература. Создается впечатление, что зороастрийская традиция в областях своего зарождения быстро оборвалась после завершения Авесты и целиком переместилась в Западный Иран. Чем это объяснить?

Зороастризм возник как религия мирных скотоводов-пастухов Восточного Ирана. Но когда он был возведен в государственную религию Ахеменидов и в этом качестве вернулся к восточным иранцам на острие меча персидского солдата, они от него отшатнулись. Маздеизм проделал тот же путь, что христианство: от религии бедных к государственной религии. Свободолюбивые народы Восточного Ирана, ненавидевшие персидский абсолютизм, стали с неприязнью относиться и к насильственно насаждаемой им религии. Цитаделью маздеизма стала Персия, сперва ахеменидская, позднее сасанидская.

Но была одна группа иранских племен, которая с начала и до конца оставалась чужда зороастризму-маздеизму. Мы имеем в виду скифские (массагетские, сакские) племена. Для них был одинаково неприемлем и ранний зороастризм, проповедовавший мирное оседлое скотоводство и острием своим направленный против их кочевого, полуразбойничьего уклада жизни³, и государственный маздеизм персидской державы, против экспансии которой они ожесточенно боролись еще со времен Кира. Дошедшие до нас сведения о религии скифов, массагетов, алан не включают даже намека на что-либо зороастрийское. Имена скифских богов, сохраненные Геродотом, не имеют ничего общего с названиями зороастрийских божеств. Зороастрийские элементы в сакском языке (см. выше) были восприняты, над полагать, не на первоначальной родине саков, а уже после продвижения части их в Хотан.

Одним из массагетских племен были, по свидетельству Диона Кассия и Аммиана Марцеллина, аланы, предки нынешних осетин. В начале нашей эры они продвинулись из Средней Азии на Северный Кавказ. Здесь они под византийским и грузинским влиянием приняли в X в. христианство.

Какова была их религия до перехода в христианство? Этот вопрос представляет значительный интерес для суждения о религии скифо-сарматских племен и отчасти о дозороастрийской религии древних иранцев вообще.

Исторические сведения о религиозных верованиях алан очень скудны, и мы намерены опираться не на них, а на данные языка, мифологии и религиозных представлений современных осетин. Учитывая как много древнеиранского сохранил осетинский язык, мы вправе ожидать заметных пережитков древнеиранского состояния также в религиозной сфере. Разумеется, не может быть речи о восстановлении всей картины древнеаланской религии. Десять веков христианства не могли пройти бесследно. На старые верования наложился мощный слой христианской терминологии и обрядности. Неизбежно приходится считаться с тем, что под действием христианской пропаганды старые чтимые божества низводились на степень демонов, злых духов, чудовищ и пр. Задача восстановления дохристианской религии алан подобна чтению палимпсеста: под новым текстом лишь с трудом там и сям распознаются отдельные, зачастую искаженные черты древнего. Я и не помышляю о реконструкции дохристианских верований алан как цельной системы. Речь идет лишь об отдельных фрагментах. Но и этих фрагментов достаточно, чтобы убедиться, что в религиозных понятиях осетин сохранилось кое-что древнеиранское и даже древнеиндоевропейское и ничего зороастрийского.

Начну с рассмотрения некоторых религиозных терминов, которые можно с уверенностью считать унаследованными от древнеиранского.

«Боги» и «силы»

Когда осетину нужно назвать весь сонм небожителей, он употребляет либо слово *dzwar* (множ. ч. *dzwærttæ*), либо *zæd* и *dawæg*, дигорск. диалект *izæd* и *idawæg* (множ. ч. *izædtæ*, *idawgutæ*), причем последние термины особенно охотно употребляются в паре: *izædtæ æma idawgutæ* «зэды и дауаги». *Dzwar* идет из грузинского *džvari* «крест» и связано с христианством. *Izæd* и *idawæg* можно с уверенностью возводить к древнеиранскому и рассматривать как наследие дохристианской религии алан. *Izæd* возводится к древнеиранскому *yazata*– «божество», а *idawæg* – к *vi-tāvaka*– (как *iwazæg* «гость» к *vi-vāzaka*-) и означает буквально «сила, носитель силы» от древнеиранского *tav*– «быть сильным». Стало быть парное сочетание *izædtæ æma idawgutæ* означает буквально «боги и силы».

Представление о «силах» как особых божественных сущностях рядом с богами коренится в древних иранских и арийских народных верованиях⁴. Арабский автор ал-Шахрастани, излагая учение иранского религиозного и социального реформатора Маздака (VI в. н.э.), сообщает, что, согласно этому учению, богу сопутствуют «силы» (*quvvat*), которые ведают отдельными отраслями миропорядка. Трудно думать, что эти пред-

ставления выдуманы Маздаком. Они почерпнуты скорее из народных иранских верований.

Здесь следует также искать источник иудейско-христианских представлений о «силах» как одном из главных ангельских чинов. В иудейской традиции учение о иерархии ангелов и о «силах», занимающих в этой иерархии одно из самых высоких мест, появляется только после вавилонского пленения и справедливо считается, что оно воспринято евреями в изгнании, всего вероятнее из иранского религиозного фонда.

Осет. *wæjug* – др. иран. *Vayu*

Сохранились ли в осетинском имена отдельных иранских богов?

Как и следовало ожидать, в нем не удалось обнаружить никаких следов верховного зороастрийского божества Ахурамазды. Зато сохранилось имя дозороастрийского бога *Vayu*, культ которого восходит к глубокой древности, к эпохе арийской (индоиранской) и даже индоевропейской общности. Первоначально бог ветра, он со временем приобретал разнообразные функции, в том числе бога смерти, выступая то как благое, то как злое, разрушительное божество. Осетинское *wæjug* ‘великан’ безупречно отвечает иранскому **Vayuka*⁵.

В осетинских демонологических верованиях, в сказках, в эпосе *ваюг* – весьма популярная фигура. Это существа огромного роста и силы, обычно враждебные человеку. В заимствованных из Грузии сказках и «Даредзановских» сказаниях осетинское *wajug* неизменно отвечает грузинскому *devi* ‘великан’, что в свою очередь восходит к персидскому *dēv*, древнеиранскому *daiva* – ‘демон’⁶.

В эсхатологическом тексте «*Væxfældisyn*» («Посвящение коня покойнику») *ваюг* фигурирует как привратник загробного мира⁷. Здесь прямое соответствие с теми авестийскими текстами, где *Vayu*- выступает в качестве бога смерти.

Вряд ли можно сомневаться, что культ *Vayu*- существовал у скифов. В числе скифских богов, перечисляемых Геродотом, фигурирует *Οἰτόσνρος*. В маюскульном написании «Г» и «Т» легко смешивались (на этом смешении основана двоякая передача имени скифской богини *Ἀρϰιπλασα* и *Ἀρυϰιπλασα*). Исправляя *Οἰτόσνρος* на *Ἰοῖγόςνρος* мы получаем закономерную скифскую форму древнеиранского **Vayuka-sura* «Могучий *Vayu*».

Если бы славянский язык сохранил имя бога *Vayu*, оно звучало бы **Вьй*, а в украинском закономерно – *Вий*. Такое существо с функциями бога смерти действительно фигурирует в одноименной повести

Н. В. Гоголя, о которой сам автор говорит: «Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал»⁹.

Скифо-осетинский *Vayu* и украинский *Вий* в функции бога смерти – любопытная скифо-украинская мифологическая изоглосса.

Осет. *Wærgon* лат. *Volcānus*

Видное место в осетинской мифологии и нартовском эпосе занимает бог кузнечного дела *Kurdalægon*.

Форма *Kurdalægon* представляет упрощение более полной, тоже засвидетельствованной формы *Kurd-Alæ-Wærgon*, что значит «Кузнец-Аланский-Варгон».

Имя *Wærgon* я сопоставил в свое время с латинским *Volcānus*¹⁰.

Латинисты встретили мою этимологию молчанием. Это молчание пока не нарушено. Но я могу спокойно выждать. Недавно проф. Дюмезиль вновь обратил внимание на то, что имеющиеся опыты разъяснения латинского *Volcānus* совершенно неудовлетворительны¹¹. Этрускское *Velyan* само заимствовано из латинского, а критский *Φελχάνος* типологически не имеет ничего общего с Вулканом и к тому же сам по происхождению еще более темен.

Если под этимологией понимать выяснение происхождения слова, то мы имеем пока только одну этимологию латинского *Volcānus*, именно ту, которую я предложил. С звуковой стороны соответствие *Wærgon* // *Volcānus* настолько безупречно, что могло бы служить школьным примером математической точности звуковых законов. Семантическая сторона также не оставляет желать ничего лучшего. Особый интерес заключен в том, что вскрывается тотемическая подпочва некоторых индоевропейских верований. Дело в том, что *Wærgon* и *Volcānus* являются производными от индоевропейского **wlko-* ‘волк’. Видимо, и у алан, и у римлян культ бога огня и кузнечного дела был преемственно связан с тотемическим культом волка. Такая интерпретация находится в полном согласии с реалиями. Известно, что эмблемой Рима служила волчица, кормящая близнецов Ромула и Рема. А в осетинском родоначальник нартов, отец близнецов Хсара и Хсартага, зовется *Wærxæg*, что значит этимологически ‘волк’.

Если в связи с гоголевским Виём мы говорили о скифо-украинской изоглоссе, то *Wærgon* // *Volcānus* – хорошая скифо-латинская изоглосса.

Культ семи богов

Сообщаемые Геродотом в IV книге «Истории» сведения о скифских богах давно привлекли к себе внимание и многократно комментировались. Но никто, насколько я знаю, не уделил внимания ч и с л у скифских богов. А число это знаменательное – семь (если не считать Тагимасада-Посейдона, которого почитают только царские скифы): Табити, Папай, Апи, Ойтосир, Артимпаса, «Геракл», «Арей». При этом Геродот подчеркивает, что скифы чтут т о л ь к о этих богов. Случайна ли цифра семь? По-видимому, не случайна. Анонимный автор Перипла Понта Эвксинского (V в. н.э.) сообщает, что город Феодосия в Крыму «называется на аланском или таврском языке Ἄρδᾶβδα, что значит «семибожный (ἑπτὰθεός)». Вопреки высказывавшимся сомнениям нет никаких оснований усматривать какую-либо неточность в свидетельстве анонима как в передаче аланского названия Феодосии, так и в толковании этого названия. Несомненно, у алан существовал культ «семи богов» и занимал важное место в их религии. Этот же культ засвидетельствован у потомков алан, осетин. Святилище «Avd dzwary» «Семь богов» близ селения Галиат отмечено еще Вс. Миллером¹². Таким образом, культ семи богов с удивительным постоянством прослеживается на протяжении огромного периода – от геродотовских скифов через алан до современных осетин.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что семь скифских богов по их именам и функциям отличны от семи «амшаспандов» зороастризма (Ahura-Mazdā, Vohu Manah, Aša vahišta и пр.). Семибожный пантеон был древним общеарийским трафаретом, который независимо был унаследован и скифами, и зороастризмом. (Ср. ведийских Āditya)¹³. Сохраняя семибожную схему, каждый индоиранский народ заполнял ее своим содержанием, соответствующим уровню его хозяйственного, социального и культурного развития.

В мифологии и эпосе осетин встречается существо *ævdīw/ævdew*, также *avdīwag*, то злое, демоническое, то благое. Вс. Миллер объяснял *ævdīw* из *āp-daiva-* «водный демон». Однако нигде в эпосе и верованиях нельзя найти даже намек, что *ævdīw*, *āvdiwag* связан с водной стихией. Не вернее ли видеть в *ævdīw* старое *avd-dew* – древнеиранское **hafta-daiva-* «семь демонов» resp. богов? Тогда христианское *avd-dzwary* окажется не чем иным, как переводом дохристианского **avd-dīwy* «семь богов». Станет понятным и выражение в эпосе *avd ævdiwy* «семь авдиу», когда в *ævdīw* перестало осознаваться *avd*, пришлось числительное повторить.

Из кого же состоял аланский семибожный пантеон? Об этом можно высказать некоторые догадки. Два источника, отделенные друг от друга промежутком в 17 столетий, согласно говорят о первенствующей роли культа солнца. Я имею в виду, с одной стороны, свидетельство Геродота (I, 216) о массагетах («Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей»), с другой – армянского поэта XIII в. Фрика, для которого культ солнца был характернейшим признаком алан («...алан, что солнце чтит»)¹⁴.

В этой связи стоит отметить, что, помимо обычного названия солнца *xūr*, осетинский сохранил его к у л ь т о в о е наименование *Xūrærin* – буквально «солнце золотое», а также *Xūrty Xūrærin* – «солнце солнц».

Огонь, несомненно, был предметом специального культа. Огонь в обычной речи зовется *art*. Но осетинский язык сохранил и его культовое наименование *Ært-xūron* «Огонь-солнцевиц». Огонь в культе назывался сыном солнца, как в Авесте он зовется *puδrō Ahurahe Mazda^g*. Название *Ærtxūron* применялось также к особому пирогу, изготавливаемому в честь бога огня.

По аналогии со скифами, которые «выше всех прочих божеств чтут Гистию», можно думать, что и у алан важное место занимала богиня домашнего очага, которая, возможно, называлась *æfsin* «хозяйка». В христианский период ее место заняла богоматерь *Mad Majraem*, которая в посвященной ей песне зовется *ne 'fsin* «наша хозяйка». Звание *æfsin* постоянно сопутствует также прославленной нартовской героине, бессмертной Шатане.

Возможно, в число семи входили также упомянутые выше *Vayu-Wæjug* и Вулкан – *Wærgon*.

О некоторых персонажах дохристианского аланского пантеона можно судить по их христианским преемникам. Дело в том, что, как показывает изучение религиозных верований и обрядов христианских народов, христианизация никогда не была полным и крутым разрывом с «языческим» прошлым. Она была скорее процессом адаптации новых понятий и имен к старому содержанию. Старые боги получали новые, христианские наименования, но их природа и связанные с ними культовые празднества и обряды долго еще оставались прежними и явственно просвечивали сквозь христианскую оболочку.

Можно предположить, что популярнейший у осетин христианский «святой» *Wasgergi* св. Георгий, всадник на белом коне и в белой бурке, которого женщины не имели права называть по имени и называли *lægtu dzwar* «бог мужчин», унаследовал черты того аланского бога войны,

которому аланы поклонялись в образе меча (Аммиан Марцеллин 31, 2, 23). О богومатери (*Mad Majræm*) как преемнице богини домашнего очага (а также плодородия?) я говорил выше. *Wacilla* – св. Илья, повелитель гроз и патрон урожая, явно унаследовал черты бога-громовника. *Fælværa* Флор и Лавр, патрон скота, *Tutyр* св. Федор Тирон, патрон волков, позволяют предполагать, что в дохристианской религии алан были соответствующие божества. А когда апостол Петр под названием *Don-Bettyr* «водный Петр» выступает как владыка водной стихии, вряд ли можно сомневаться, что он только воспринял черты древнего водного божества.

Ard, farn, wac

Осетинский язык унаследовал от древнеиранского три важных понятия, которые можно назвать если не религиозными в точном смысле, то во всяком случае полурелигиозными: *ard* (*rta-*), *farn* (*hvarnah-*, др. перс. *farnah-*), *wac* (*vāč-*, *vāčah-*). Некоторыми сторонами своего употребления они соприкасаются с бытовой сферой, другими – с религиозной.

Ard – в современном бытовом употреблении значит клятва. Но, как видно из аланского названия Феодосии *Ардавда* «(город) семи богов», в одном из аланских наречий это слово означало божество или нечто близкое.

Семантическим ядром арийского *rta-* является, по Людерсу (Varupa, 195), понятие правды, истины. Но *rta-* было чем-то большим, чем наше понятие правды. Оно глубоко коренилось в религиозном мировоззрении древних арийцев. Об этом красноречиво говорит употребление ведийского *rta-*, авест. *aša-* и древнеперсидские собственные имена *Артаксеркс*, *Артаферн*, *Артабан* и др.

Это религиозное (магическое?) значение выступает в таких осетинских выражениях, как *хусауу ард* «ард бога», *zæхху ард* «ард земли», *адæту ард* «ард народа», *ард дæ баяжæд* «да постигнет тебя ард» и др.

Farn можно перевести приблизительно «благодать, благоденствие». Но и здесь речь идет о чем-то неизмеримо большем, чем бытовое значение этих слов. В фольклоре часто встречается такая формула заклинания: *de zæd, dæ farny stæn* «заклинаю тебя твоим зэдом, твоим фарном». Поскольку *zæd* восходит к *yazata-* и означает божество, из приведенной формулы можно сделать два вывода:

1) *farn* по своему значению был близок к *zæd*, стало быть, был таким же религиозным понятием;

2) по аланским воззрениям, каждый человек имел свой *zæd*, т.е. свое божество и свой *farn*. Обычно также выражение *adæmy farn* «фарн народа», которое можно сравнить с выражением *qæwy zæd* «божество аула»¹⁵.

Was в обычном употреблении можно перевести «слово, известие». Но, подобно тому как в Авесте *vāč-* входит в состав двух женских имен *Ərənavāč-* и *Savanhavāč-* (сестры Йимы, жены Трайтауны), так в нартовском эпосе две героини зовутся: *Waciroxc* «свет Уаца» и *Wadzæftawæ* «умножающая Уац». Здесь семантика *wac* явно связана с религиозно-магическими представлениями. Эти представления еще ярче выступают в названии чудесной нартовской чаши *Wacamongæ* (букв. Уац-указательница). Эта чаша обладала способностью распознавать героев.

Для того чтобы судить, какое важное место занимал *wac* в дохристианских верованиях алан, еще существеннее следующее обстоятельство. Главнейшие персонажи христианизированного осетинского пантеона снабжены эпитетом *wac* (*was*): *Was-Gergi* св. Георгий, *Was-Illa* св. Илья. *Was-Nikkola* св. Николай, *Was-Totur* св. Федор. Здесь *wac* может означать только «божество, божественный, святой». И. Гершевич, привлекая некоторые среднеиранские факты, дает для *wac* в приведенных сочетаниях значение «дух» (*spirit*), что также приемлемо¹⁶. (Ср. также выражение *wacæ roxs* «божественный свет»)¹⁷.

Из этих примеров, которые можно было бы умножить, видно, как глубоко коренилась семантика *wac* в дохристианских религиозных верованиях алан. Но это было не какое-то аланское новшество, а древнее иранское наследие. «Das Wort ist in Iran eine schaffende und wirksame Macht, eine metaphysische oder richtiger magische Potenz»¹⁸.

Кавказский субстрат

Известно, что в языке и фольклоре осетин оставил заметный след кавказский субстрат. Религиозные воззрения их также не остались чужды кавказскому влиянию. В этнографической литературе по Кавказу имеется много указаний о большой близости осетинских культов, обрядов, празднеств к соответствующим верованиям и обрядам кавказских, в особенности западнокавказских, народов: черкесов, абазин, абхазов, сванов, мегрелов, а также горногрузинских племен: рачинцев, мохевцев, мтиульцев, пшавов, хевсур. Эта близость бывает не только типологической, но и материальной, т.е. совпадают имена божеств, обрядов, праздников.

По многим архаическим чертам религиозные верования осетин представляют первостепенный интерес для восстановления древнейшего религиозного состояния кавказских народов¹⁹.

Поскольку осетино-кавказские сходжения в верованиях и обрядах не раз отмечались, не буду на них останавливаться. Напомню только некоторые более яркие факты.

К у л ь т о х о т н и ч ь е г о б о ж е с т в а. Этот культ чужд иранскому миру, но он занимал видное место в верованиях западнокавказских народов и осетин. Название бога охоты *Æfsati* примыкает к балкарскому *Apsatə*, сванскому *Ap'sat*²⁰.

У абхазов соответствующее божество зовется *Ažwejpša*, у черкесов *Mezətx*, у мегредов *Mesepi*. Хотя названия разные, но все это – родные братья. Представление об этом божестве – патроне зверей, которому молится каждый охотник, отправляясь на охоту, обряды, связанные с его культом, посвященные ему гимны – все это весьма близко у всех перечисленных народов.

О б р я д ы п р и п о р а ж е н и и м о л н и е й. Хотя культ грозового божества имел широкое распространение, в том числе и у арийских народов, обряды, исполнявшиеся при поражении человека молнией, настолько близки у осетин и некоторых кавказских народов, что должны рассматриваться как специфика кавказской, а не иранской этнографии. Если человека убивала молния, ни в коем случае не разрешалось выражать скорбь, плакать и пр. Напротив, следовало всячески выражать радость, петь и танцевать. Обрядовая пляска вокруг пораженного молнией называлась *сorraj* (черк. *šorra*, абх. *šora*, балк. *šorra*) и продолжалась до восьми дней²¹.

Можно указать еще на ряд верований и обрядов, в которых имелась большая близость у осетин и их кавказских соседей: культ божества, насылающего оспу, культ домашнего очага и надочажной цепи, культ предков и обряды и поминки, связанные с покойником, священные рощи (роща Хетага в Куртатинском ущелье и др.), гадание по бараньей лопатке и многое другое.

Из кавказского мира идет, по-видимому, и осетинское название верховного божества *xucaw*. *Xucaw* у осетин – типичный *deus otiosus*. В отличие от божеств, о которых говорилось выше, он лишен каких-либо индивидуальных черт и мало активен, действуя, как правило, не лично, а через окружающих его эздов и дауагов.

Осет. *xucaw* фонетически несопоставимо с перс. *xudā* или согд. *xutāw*. В кавказских же языках (именно в картвельских и дагестанских)

распознается элемент *хис* в ряде религиозных терминов: лезгинское *хисар* бог, грузинское *хисеси* священник, *хисури* церковный (о письме) и др.

Возможно в осетинском *хисав* мы имеем контаминацию кавказского *хис* с иранским *xutāw.

Вывод, к которому мы приходим из всего изложенного, таков:

Дохристианская религия алан представляла синтез двух элементов: дозораострийского иранского (с рядом специфических черт, характерных для скифо-массагетской группы) и субстратного кавказского, который стал проникать в религию алан с момента их появления на Кавказе, т.е. с первых веков н.э.

Зороастризм не оставил в религии алан сколько-нибудь заметных следов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маздеизмом мы называем зороастризм, прошедший через обработку магов и возведенный в ранг государственной религии.

² Ср. также сакское *śśandrāmātā* богиня счастья, в которой легко распознать авестийскую богиню *spənta-armaiti*-. Зороастризм в Парфии свидетельствует такими собственными именами, как *Ohrmazdik*, *Vahuman* (см.: И. М. ДЬЯКОНОВ, М. М. ДЬЯКОНОВ, В. А. ЛИВШИЦ. Парфянский архив из древней Нисы, ВДИ, 1953, № 4. С. 116).

³ См. В. И. АБАЕВ, Скифский быт и реформа Зороастра, – «Archiv Orientalni», XXIV, N I, Praha 1956. С. 23-56.

⁴ См. по этому поводу: J. GONDA, Some Observations on the Relations between "Gods" and "Powers" in the Veda, a Propos of the Phrase *sūnuḥ sahasaḥ*, 'S-Gravenhage, 1957.

⁵ См. В. И. АБАЕВ, Этимологические заметки, – «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI, М., 1956, С. 450-457.

⁶ Попытка связать осет. *wæjug* с согд. *w'yuwg* 'охотник' (см. I. GERSHEVITCH, Word and Spirit in Ossetic, – BSOAS, vol. XVII, part 3, 1955 (BSOAS-Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London) с семантической стороны лишена всякой ценности. Нельзя упускать из виду, что осет. *wæjug* целиком связано с д е м о н о л о г и ч е с к и м и представлениями и по значению не имеет ничего общего с бытовым словом «охотник».

⁷ *Mærdty fsæn dwaerttæ dyn iw wæjyg bakændzæn* – «Железные врата мертвых откроет тебе ваюг» (Коста ХЕТАГУРОВ, Собрание сочинений, т. 1, М.-Л., 1939, С. 71).

⁸ *Sura* – «могучий» – обычный эпитет иранских богов (ср. авест. *Arədvī-sura*- и пр.).

⁹ См. В. И. АБАЕВ, Образ Вия в повести Н. В. Гоголя, – в кн.: «Русский фольклор», III, М.-Л., 1958, С. 303.

¹⁰ См. В. И. АБАЕВ, Осетинский язык и фольклор, I, М.-Л., 1949, С. 592-594.

¹¹ G. DUMÉZIL, Quaestiunculae indo-italicae, 1-3, «Revue des études latines», 1958, XXXVI, P. 123.

¹² См. В. Ф. МИЛЛЕР, Осетинские этюды, ч. 2, М., 1882, С. 259.

¹³ ...Die Siebenzahl ein altes theologisches Schema vertritt, das man auf verschiedene Weise auszufüllen suchte... Dieses Schema ist vermutlich uralt arisch. (H. S. NYBERG, Die Religionen des alten Iran, Leipzig, 1938, S. 282).

¹⁴ См. «Антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней», М., 1940, стр. 240.

¹⁵ См. Б. ГАТИЕВ, Суеверия и предрассудки у осетин, – «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IX, отд. III, Тифлис, 1876, С. 30-31.

¹⁶ I. GERSHEVITCH, Op. cit., P. 478.

¹⁷ В. АБАЕВ, Из осетинского эпоса, М.-Л., 1939, С. 57, строка 126.

¹⁸ H. S. NYBERG, Op.cit., S. 9.

¹⁹ Прав Л. И. Лавров, когда он пишет: «Адыгейцы, абхазцы, осетины, хевсуры и сваны больше других кавказских народов сохраняли до недавнего времени пережитки древних верований» (см. Л. И. ЛАВРОВ, Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев, – «Труды Института этнографии», – Новая серия, т. LI, 1959, С. 194).

²⁰ Н. Я. Марр связывал это имя с армянским *Ast'vac* 'бог' и возводил к фрако-фригийскому *Σαβάζιος* (см. Н. Я. МАРР, Фрако-армянский *Sabadios-aswat* и сванское божество охоты, – ИАН, VI серия, 1912, № 13, С. 827-830).

²¹ Подробнее об этом обряде см.: В. И. АБАЕВ, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1, М.-Л., 1958, С. 314 и сл. (статья *сoppaj*).

V. I. ABAEV

THE PRE-CHRISTIAN RELIGION OF ALANS

SUMMARY

The Pre-Christian religion of Alans was the syntheses of two elements: the Pre-Zoroaster Iranian (with a number of specific features typical to Scythian-Massaget group) and the substratum one, which began to intrude into the religion of Alans since the moment of their appearance in the Caucasus i.e. from the first ages A.D. Zoroasterizm has not left any observable trace in the religion of Alans.